

Литания ужасов*

Американский университет империализма

Чалмерс ДЖОНСОН

Корпорация RAND (RAND Corporation) была основана в Санта-Монике, Калифорния, сразу после Второй мировой войны Военно-воздушными силами американской армии (вскоре переименованными в Военно-воздушные силы США). Генералы военно-воздушных сил, которым принадлежала эта идея, стремились обеспечить условия для продолжения и развития тех взаимоотношений, которые сложились во время войны между научным и интеллектуальным сообществами, с одной стороны, и американской армией – с другой, взаимоотношений, получивших самое наглядное воплощение в Манхэттенском проекте, завершившемся созданием атомной бомбы.

Однако в скором времени RAND стала ключевым институциональным блоком, лежавшим в основе Американской империи периода холодной войны. Будучи первым мозговым центром (think tank), нацеленным на удержание за Америкой роли гегемона западного мира, RAND Corporation послужила инструментом, который придал этой империи милитаристский характер, сохраняемый ею до сего дня; именно эта корпорация прилагала все усилия для поощрения appetites военного ведомства США, требовавшего все больше атомных бомб, ядерных субмарин, межконтинентальных баллистических ракет и бомбардировщиков дальнего радиуса действия. Без RAND наш военно-промышленный комплекс – как и наша демократия – выглядел бы сегодня совершенно иначе.

Алекс Абелла, автор «Солдат разума» – американец кубинского происхождения, живущий в Лос-Анджелесе; он написал несколько снискавших одобрение критики

приключенческих романов, действие которых происходит на Кубе, и менее успешную книгу в жанре non-fiction – о попытке нацистов организовать саботаж внутри Соединенных Штатов во время Второй мировой войны. Издатель его последней книги утверждает, что это – «первая история предпочитающего оставаться в тени мозгового центра, который изменил современный мир». Время для такой истории давно настало, и в этом смысле книга сильно запоздала. К сожалению, работа Абеллы далеко не исчерпывает тему, и общественная потребность в освещении деятельности подобных учреждений остается, по большому счету, неудовлетворенной. Мы все еще нуждаемся в менее агиографическом исследовании, которое основывалось бы на критическом подходе и давало бы более пронизательный анализ особого вклада RAND Corporation в формирование современного мира.

Тем не менее следует признать, что Абелла предпринял серьезную, местами оригинальную и многое проясняющую попытку вскрыть внутренние противоречия в деятельности RAND, проявившиеся, в частности, в решении сотрудника корпорации, аналитика Дэниэла Элсберга, допустить утечку информации и предоставить конгрессу и СМИ (в 1971 году) секретные документы министерства обороны США, касавшиеся войны во Вьетнаме (так называемые бумаги Пентагона). Но книга Абеллы очень противоречива. С одной стороны, автор всецело покорен сладкоречивыми сотрудниками RAND – экономистами, математиками и мыслителями, имеющими обыкновение «мыслить о неммыслимом»; с другой стороны, он соглашается с историком из Йейля Джоном Льюисом Гаддисом, на-

* Рецензия на книгу Алекса Абеллы «Солдаты разума: корпорация RAND и становление Американской империи» (Abella A. Soldiers of Reason: The RAND Corporation and the Rise of the American Empire. Опубликовано на сайте TomDispatch.com, проекте The Nation Institute).

писавшим в своей книге «Холодная война: новая история» (The Cold War: A New History), что, действуя в интересах военно-воздушных сил США, RAND Corporation развязала «необязательную холодную войну», которая подарила умирающей Советской империи тридцать лишних лет жизни.

Мы нуждаемся в исследовании, которое действительно соответствовало бы подзаголовку книги Абеллы и бросило бы беспристрастный взгляд на всех этих RAND'овских гениев, лауреатов Нобелевской премии, яйцеголовых гурманов и знатоков вин, посетителей «вечеринок с бассейном» в Лорел-Кэньон и самопровозглашенных экспертов по западному миру. Похоже, что с тех пор как Америка пошла по пути прежних империй, RAND Corporation превратилась в служанку правительства, которая никогда не рисковала говорить власти правду. Тем не менее книга «Солдаты разума» может послужить полезным, хотя и перегруженным деталями введением в проблему формирования (после Второй мировой войны) стратегии превращения нашей страны в Американскую империю.

Военно-воздушные силы создают think tank

RAND Corporation была детищем генерала Генри Х. «Хэпа» Арнольда, командующего Воздушным корпусом Армии США (Army Air Corps) с 1941 года до того момента, когда он превратился в Военно-воздушные силы (Air Force) в 1947 году, и человека, служившего во время войны его главным научным советником – инженера, специалиста по аэронавтике Теодора фон Кармана. На первых порах RAND была самостоятельным подразделением в составе Douglas Aircraft Company, слившейся в 1967 году с McDonnell Aviation, чтобы сформировать McDonnell-Douglas Aircraft Corporation, которая, в свою очередь, была поглощена компанией Boeing в 1997 году. Первым председателем корпорации был Франклин Р. Коллбом, инженер из Douglas Aircraft Company и летчик-испытатель.

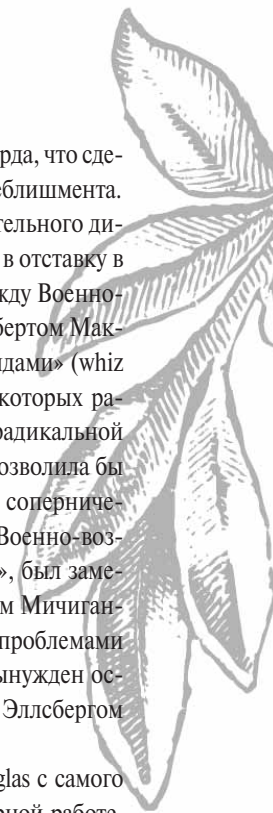
В мае 1948 года RAND была инкорпорирована в Douglas в качестве некоммерческой независимой организации, но продолжала получать львиную долю финансирования от Военно-воздушных сил. Однако этот think tank начал

получать существенную поддержку от Фонда Форда, что сделало его уважаемым членом американского истеблишмента.

Коллбом оставался на посту исполнительного директора до 1966 года, когда был вынужден уйти в отставку в связи с возникшими в Пентагоне трениями между Военно-воздушными силами и министром обороны Робертом Макнамарой. Макнамара окружил себя «вундеркиндами» (whiz kids), молодыми интеллектуалами, многие из которых работали на RAND и были воодушевлены идеей радикальной реструктуризации вооруженных сил, которая позволила бы снизить затраты и обуздать межведомственное соперничество. Коллбом, всегда сохранявший верность Военно-воздушным силам и не любивший «вундеркиндов», был заменен Генри С. Роуаном, инженером, окончившим Мичиганский технологический институт и занявшимся проблемами стратегии и экономики; вскоре и Роуан был вынужден оставить свой пост – из-за инициированного Элсбергом скандала с «бумагами Пентагона».

Коллбом и другие менеджеры из Douglas с самого начала привили RAND вкус к междисциплинарной работе, но продукция ее сотрудников ограничивалась письменными отчетами; они избегали прикладных и лабораторных исследований и были далеки от реального производства. Золотой век креативности RAND пришелся на 1950-е – 1970-е годы. На протяжении этого периода теоретики корпорации упорно работали над такими новыми аналитическими техниками и изобретениями, как системный анализ, теория игр, спутниковая разведка, Интернет, компьютерные технологии, цифровая связь, противоракетная оборона и межконтинентальные баллистические ракеты. В 1970-е годы RAND Corporation обратилась к гражданским проектам, таким как финансирование здравоохранения, система страхования и структура муниципального управления.

Работа RAND всегда носила идеологический характер: она была призвана поддерживать американские ценности индивидуализма и личной ответственности и противостоять марксизму; однако ее идеологическая ангажированность была замаскирована в статистических данных и уравнениях, благодаря которым аналитические записки сотрудников корпорации представлялись чисто «рациональными»

и «научными». Абелла пишет в этой связи: «Если предмет исследования не поддавался измерению, структуризации или классификации, он не представлял интереса для системного анализа, основанного на рациональных процедурах. Имели значение только цифры; человеческий фактор был всего лишь неизбежным придатком к схемам, без которого, увы, нельзя было обойтись на эмпирическом уровне».

На мой взгляд, Абелла переоценивает эмпирическую составляющую рэндовской аналитики. Анализы корпорации были по большей части чисто формальными, дедуктивными и носили преимущественно математический характер; они редко основывались на конкретных исследованиях реально функционировавших обществ. RAND Corporation никогда не уделяла должного внимания этнографическим и лингвистическим аспектам человеческой жизнедеятельности, без чего нельзя было проводить эмпирические исследования в общественной сфере; между тем администрация корпорации и ее сотрудники полагали, что понимают, как «работает» социум.

Работа RAND всегда носила идеологический характер: она была призвана поддерживать американские ценности индивидуализма и личной ответственности и противостоять марксизму

Например, сделанные во время войны во Вьетнаме исследовательские заключения корпорации RAND о третьем мире, ограниченных боевых действиях и противоповстанческих акциях были на редкость неадекватными. Корпорация утверждала, что Соединенные Штаты должны поддерживать «военную модернизацию» в развивающихся странах; что военные перевороты и режим хунты — это хорошие вещи; что мы могли успешно сотрудничать с офицерским корпусом тех стран, которые трудно было назвать демократическими. Результат такого подхода налицо: практически все режимы, пришедшие к власти в Юго-Восточной Азии в 1960-е — 1970-е годы — включая Южный Вьетнам, Южную Корею, Таиланд, Филиппины, Индонезию и Тайвань, — были военными диктатурами, пользовавшимися поддержкой Соединенных Штатов.

Важно отметить также, что аналитические ошибки RAND Corporation коренились не только в методике (отличавшейся чрезмерным математическим редукционизмом), но и в предвзятом — и слишком ограниченном — выборе предметов исследования. Абелла пишет: «Несмотря на то, что RAND Corporation могла гордиться блестящим коллективом, почти сплошь состоявшим из светил науки, была одна область знаний, постоянно ускользавшая от внимания сотрудников корпорации, из-за чего эта организация снова и снова наступала на одни и те же грабли: речь идет о познании человеческой души».

Следуя аксиомам математической экономики, сотрудники RAND Corporation стремились свести все мотивы человеческой деятельности к тому, что канадский политолог К. Б. Макферсон назвал «собственническим индивидуализмом» (possessive individualism); все, что не укладывалось в это узкое понимание, просто игнорировалось. Поэтому рэндовские исследователи часто проявляли полную неспособность понять такие феномены современного мира, как массовые политические движения; они не смогли адекватно оценить силу организаций типа Вьетконга, оказавшего эффективное сопротивление разработанной в RAND стратегии войны во Вьетнаме (включавшей в себя массированные бомбардировки не только военных, но и гражданских объектов).

Сходным образом сотрудники RAND видели намерения и мотивы Советского Союза в самом черном свете, без нюансов, что заставило их выступить против разрядки, продвигавшейся президентом Ричардом Никсоном и его советником по национальной безопасности Генри Киссинджером, а в 1980-е годы — грубо переоценить советскую угрозу. Абелла замечает: «Если учесть, что RAND Corporation позиционировала себя как место, где сам бог велел «мыслить о неммыслимом», представляется странным, что в корпорации практически не было внутренних дискуссий о природе Советского Союза или об адекватности проводимой Америкой политики. Рэндовцам (RANDites) было достаточно того, что они получали сигналы от высшего эшелона военных властей». Типичный рэндовский продукт тех лет — книга Натана Лейтеса «Операционный код Политбю-

ро» (Operational Code of the Politburo, 1951), сугубо механистическое исследование советской военной стратегии и доктрины, а также организации и функционирования советской экономики.

Коллбом и его коллеги собрали в RAND действительно блестящую команду интеллектуалов, хотя и с перекосом в сторону экономистов, полагающихся на математические методы, в ущерб специалистам, которые обладали бы историческими знаниями или реальным опытом и пониманием жизни в других странах. Среди «нотаблей», работавших в этом think tank, были такие экономисты и математики, как Кеннет Эрроу, автор пионерных исследований по теории игр; Джон Форбс Нэш-младший, послуживший впоследствии прототипом героя голливудского фильма «Игры разума»; Герберт Саймон, ведущий эксперт по проблеме бюрократии; Пол Сэмюэльсон, автор «Основ экономического анализа» (Foundations of Economic Analysis, 1947); и, наконец, Эдмунд Фелпс, специалист по экономическому росту. Все эти персоны стали лауреатами Нобелевской премии по экономике.

Еще одной крупной фигурой был Бруно Огенстайн, который, по словам Абеллы, «внес самый большой (или, по крайней мере, самый известный, если судить по рассекреченной информации) вклад в укрепление национальной безопасности Америки: он разработал технологию военного применения межконтинентальных баллистических ракет (ICBM – intercontinental ballistic missile); Огенстайн изобрел, в частности, разделяющуюся головную часть ракеты с индивидуальным наведением боевых элементов на цели, или MIRV (multiple independently targetable reentry vehicle). Сотрудником RAND был также Пол Баран, занимавшийся коммуникационными системами, которые могли бы пережить ядерную атаку; этот ученый внес большой вклад в развитие Интернета и цифровых схем (digital circuits). Нельзя не упомянуть и Чарльза Хитча, возглавлявшего экономический отдел корпорации с 1948 по 1961 год, а затем ставшего президентом Калифорнийского университета (1967–1975 годы),

Среди не столь выдающихся фигур, «простых смертных», выполнявших в RAND скорее черновую работу, были Дональд Рамсфелд, член попечительского совета

корпорации с 1977 по 2001 год; Кондолиза Райс, член попечительского совета с 1991 по 1997 год; Фрэнсис Фукуяма, рэндовский исследователь с 1979 по 1980 год, а затем снова с 1983 по 1989 год, автор тезиса о том, что победа США над Советским Союзом в холодной войне ознаменовала собой конец истории; Залмай Халилзад, посол президента Буша-младшего в Афганистане и Ираке, а затем – постоянный представитель США в ООН; и, «на закуску», Сэмюэл Коэн, изобретатель нейтронной бомбы (хотя французские военные улучшили ее тактические характеристики).

Смысли о немислимом

амыми знаменитыми теоретиками RAND Corporation были стратеги ядерной войны, которых часто цитировали в газетах. Обобщенное карикатурное изображение такого стратега дано в фильме Стэнли Кубрика 1964 года «Доктор Стрейнджлав, или Как я перестал бояться и полюбил бомбу» (Dr. Strangelove, Or: How I Learned to Stop Worrying and Love the Bomb). (Один из прототипов фильма, Герман Кан, потребовал у Кубрика отчислений от проката, на что тот ответил: «Так дела не делаются, Герман»). Среди лидеров рэндовской группы стратегов ядерной войны были такие персоны, как Бернард Броуди, один из первых разработчиков доктрины ядерного сдерживания и автор книги «Стратегия в эпоху ракет» (Strategy in the Missile Age, 1959); Томас Шеллинг, пионер в исследовании стратегической торговли, нобелевский лауреат по экономике, автор «Стратегии конфликта» (The Strategy of Conflict, 1960); Джеймс Шлезингер, министр обороны с 1973 по 1975 год, уволенный президентом Фордом за неподчинение; Герман Кан, автор книги «О термоядерной войне» (On Thermonuclear War, 1960); и, наконец, – последний по порядку, но не по значению – Альберт Уолстеттер, самый известный из рэндовских исследователей.

Абелла называет Уолстеттера «ведущей интеллектуальной фигурой в RAND Corporation» и описывает его как человека, «уверенного в себе до наглости». Уолстеттер, добавляет он, «персонифицирует имперский этос мандаринов, которые сделали Америку центром силы и культуры в послевоенном западном мире».

Рассказ Абеллы об этом человеке носит характер панегирика, несмотря на то, что Уолстеттер в последние годы своей жизни перешел в правый лагерь и оказывал поддержку неоконсерваторам. Абелла считает, что «базовые работы» Уолстеттера, сделавшие знаменитыми как RAND, так и его самого (об этом пойдет речь ниже), «изменили историю».

Начиная с 1967 года, я был на протяжении нескольких лет (сохранившиеся у меня документы не позволяют назвать точные даты) консультантом RAND (хотя эта корпорация не так уж часто со мной консультировалась) и познакомился с Альбертом Уолстеттером лично. В 1967 году мы с ним выступали на заключительном заседании в Нью-Дели, организованном Институтом стратегических исследований (Institute of Strategic Studies) с целью продвижения Договора о нераспространении ядерного оружия (Nuclear Non-Proliferation Treaty – NPT), который был готов для подписания в 1968 году и вступил в силу в 1970 году. На этом заседании Уолстеттер дал волю своей общеизвестной наглости, объявив делегатам: «Я не считаю, что Индия, как цивилизация, заслужила атомную бомбу». Увидев перекосившиеся лица находившихся в зале индийских ученых и стратегов, я пришел к убеждению, что Индия вступит в ядерный клуб, и мои предчувствия оправдались в 1974 году. (Индия остается одним из четырех сильных государств, не подписавших Договор о нераспространении; Северная Корея присоединилась к Договору, но впоследствии отозвала свою подпись; Израиль и Пакистан отказались его подписывать; 189 государств подписали и ратифицировали Договор). Мой последний контакт с Уолстеттером имел место незадолго до его смерти (он умер в 1997 году в возрасте 83 лет), когда он позволил, чтобы пожурих меня за чрезмерную «мягкость» по отношению к угрозам со стороны коммунизма, и в первую очередь – Советского Союза.

Альберт Уолстеттер родился и вырос в Манхэттене, изучал математику в City College of New York и Columbia University. Как и многие другие представители этого поколения, он придерживался левых взглядов и, согласно сведениям, полученным Абеллой, был даже (впрочем, недолго)

членом коммунистической фракционной группы «Лига поддержки Революционной рабочей партии» (League for a Revolutionary Workers Party). Ему удалось избежать репрессий в последние годы «охоты на ведьм», развязанной сенатором Джозефом Маккарти и ФБР под руководством Эдгара Гувера, лишь потому, что, как сообщил Абелле Дэниэл Эллсберг, порочащие его сведения странным образом исчезли. В 1934 году лидер этой группы перевозил ее архив в новое помещение, наняв для этого телегу на конной тяге. На одном из манхэттенских перекрестков лошадь испустила дух, и партийный руководитель спешно покинул сцену, оставив содержимое телеги на попечение отдела уборки мусора муниципалитета города Нью-Йорка.

После Второй мировой войны Уолстеттер переехал в Южную Каролину, а его жена Роберта приступила к работе над своим (выполненным под эгидой RAND) пионерным исследованием «Перл Харбор: предостережения и решения» (Pearl Harbor: Warning and Decision, 1962); в этой работе был поставлен вопрос о том, почему Соединенные Штаты проигнорировали все сигналы о надвигавшейся «неожиданной атаке» японцев. В 1951 году Уолстеттер был рекрутирован Чарльзом Хитчем в математический отдел RAND, где работал над методологическими исследованиями в области математической логики, пока Хитч не огоршил его вопросом: «Где следует расположить базу Стратегического авиационного командования?»

Уолстеттер очень заинтересовался как этим, так и многими другими вопросами, касавшимися, например, выбора мест расположения дополнительных авиабаз, в том числе и за рубежом, для стратегических бомбардировщиков, выполнявших роль главной ударной силы страны, – на случай ядерного нападения со стороны Советского Союза. В ответ на запрос Хитча Уолстеттер провел масштабное теоретическое исследование, опиравшееся на новейшие методы математического анализа. В результате он пришел к выводам, прямо противоречившим идеям и замыслам генерала Куртиса Лемэя (Curtis LeMay), возглавлявшего в то время Стратегическое авиационное командование (Strategic Air Command – SAC), – человека, который стоял у истоков RAND: Лемэй еще в 1945 году поддержал

мысль о создании RAND, в связи с чем его называли «крестным отцом» этой корпорации.

В 1951 году существовали тридцать две базы Стратегического авиационного командования в Европе и Азии, и все они располагались поблизости от границ Советского Союза. Команда Уолстеттера обнаружила, что все эти базы были, по большому счету, беззащитными: бомбардировщики стояли под открытым небом, а не в укрепленных ангарах. Кроме того, радарная защита SAC легко могла быть обойдена низколетящими советскими бомбардировщиками. Корпорация RAND подсчитала, что Советскому Союзу понадобится «всего» 120 ядерных бомб мощностью 40 килотонн каждая, чтобы разрушить до 85 процентов базирующегося в Европе Военно-воздушного флота SAC. В ответ на такого рода соображения Лемэй, давно отстаивавший идею превентивного удара по Советскому Союзу, заявлял, что это его не волнует. Он обосновывал свою точку зрения следующим образом: потеря бомбардировщиков будет означать только то, что — даже после разрушительного ядерного удара — они будут заменены новыми, более совершенными летательными аппаратами. По его мнению, стратегия, основанная на адекватном ответном ударе, должна включать в себя то, что он называл «полным нокаутом» (Sunday punch) — массовой атакой с применением всего имеющегося у Америки ядерного оружия. Согласно Абелле, планировщики Стратегического авиационного командования предполагали уничтожить три четверти населения 188 российских городов. Общие потери должны были превысить 77 миллионов человек — только в Советском Союзе и Восточной Европе.

Задетый за живое этим «холокостным сценарием», Уолстеттер начал размышлять о том, как реально могла бы развиваться ядерная война. Он разработал несколько концепций, вошедших впоследствии в официальную военную доктрину США. Одна из них состояла в «сохранении способности ко второму удару» (second-strike capability), то есть в создании условий, которые позволили бы Америке выдержать первоначальную атаку противника, сохранив достаточно сил, чтобы разгромить его. Такое «сдерживание» должно было заставить противника крепко подумать,

прежде чем решиться первым нанести ядерный удар. Еще одна концепция Уолстеттера включала в себя «гарантийную процедуру» (fail-safe procedures) для ядерных бомбардировщиков. Благодаря этой процедуре (практически сводившей на нет возможность случайной войны) американские бомбардировщики получают преимущество перед своими противниками, так как вылетают в направлении вражеских объектов при получении даже сомнительной информации. Однако они должны автоматически вернуться на свои базы, достигнув заранее намеченного «гарантийного» пункта, если только от президента не поступит конкретный приказ лететь дальше и осуществить атаку. Кроме того, Уолстеттер отстаивал идею того, что все стратегические бомбардировщики, предназначенные для нанесения ответного удара, должны базироваться на территории Соединенных Штатов, для чего необходимо было отработать технологию их дозаправки в воздухе; при этом Уолстеттер не выступал за закрытие заокеанских военных баз или свертывание границ Американской империи. Если пойти на это, говорил Уолстеттер, оставленная стратегическая территория станет легкой добычей для советского экспансионизма.

Идеи Уолстеттера положили конец стратегии устремленных нападений на советские города в пользу «стратегии контрудара по военным мощностям» (counter-force strategy), предусматривавшей прицельное уничтожение советских боевых средств. Он выступал также за укрепление баз SAC, с тем чтобы сделать их менее уязвимыми для превентивных нападений, и за развитие суперсовременной системы радиолокации и орбитальных спутников, которая позволила бы получать точные разведывательные данные о советской ядерной и ракетной мощи.

Чтобы добиться утверждения своих идей, Уолстеттер был вынужден совершить обходный маневр и, минуя SAC Лемэя, связаться с начальником штаба Военно-воздушных сил. В конце 1952 — начале 1953 года Уолстеттер и его команда устроили 92 брифинга с участием высокопоставленных офицеров Военно-воздушных сил в Вашингтоне, округ Колумбия. В октябре 1953 года командование Военно-воздушных сил приняло почти все рекомендации Уолстеттера.

Абелла считает, что большинство из нас живо сегодня благодаря интеллектуальным и политическим достижениям Уолстеттера, который разработал проект, позволивший предотвратить возможное ядерное нападение со стороны Советского Союза. Он пишет: «Достижения Уолстеттера в базовых исследованиях, включая концепцию «гарантированной процедуры», не только снискали ему уважение и восхищение коллег по корпорации, рэндовских аналитиков, но и открыли ему доступ к представителям высших эшелонов власти (чего сумели добиться лишь немногие военные эксперты). Его работа выявила фатальные изъяны в военных планах нашего государства и сэкономила военно-воздушному ведомству несколько миллиардов долларов».

Согласно Абелле, планировщики Стратегического авиационного командования предполагали уничтожить три четверти населения 188 российских городов. Общие потери должны были превысить 77 миллионов человек — только в Советском Союзе и Восточной Европе

Несколько лет спустя Уолстеттер подготовил современную версию своего базового исследования и преподнес ее лично министру обороны Чарльзу Уилсону в присутствии генерала Томаса Д. Уайта, начальника штаба Военно-воздушных сил, и генерала Натана Твиннинга, главы Объединенного комитета начальников штабов.

Несмотря на достижения, главным из которых следует считать сокрушение официальной доктрины Военно-воздушных сил, основанной на принципе «гарантированного взаимного уничтожения» (mutually assured destruction — MAD), лишь немногие сотрудники RAND Corporation радовались возвышению Уолстеттера. Бернард Броуди всегда выражал недовольство по поводу влияния своего коллеги и плел интриги с целью его низвержения. Тем не менее Уолстеттер был куда более популярен, чем Герман Кан. Все ядерные стратеги были раздражены, когда Кан оставил RAND и создал собственный think tank, Hudson Institute, на миллионный грант, полученный от Фонда Рокфеллера.

Глава RAND Corporation Фрэнк Коллбом оппонировал Уолстеттеру, поскольку его идеи противоречили доктринам военно-воздушного ведомства, не говоря уже о том факте, что Уолстеттер поддержал Джона Ф. Кеннеди, а не Никсона на президентских выборах 1960 года, а затем совершил еще более тяжкое прегрешение, поддержав кандидатуру Роберта Макнамары на пост министра обороны, несмотря на возражения со стороны высшего командования. И, что еще хуже, Уолстеттер критиковал воцарившуюся в RAND удушливую моральную атмосферу.

В 1963 году, разгоряченный наветами Бернарда Броуди, Коллбом вызвал Уолстеттера в свой кабинет и попросил его уйти «по собственному желанию». Когда Уолстеттер отказался, Коллбом его уволил.

Уолстеттер тут же получил приглашение от University of Chicago и вступил в должность профессора (tenured) политических наук. Находясь в этой безопасной позиции, он развернул яростную кампанию против правящей администрации, обвинив ее в «одержимости Вьетнамом в ущерб противостоянию советской угрозе». Создается ощущение, что сам Уолстеттер был одержим этой угрозой и продолжал переоценивать ее, что заставляло его поддерживать любое движение, призывавшее к усилению военных приготовлений против СССР — от членов Комитета по существующей опасности (Committee on the Present Danger) между 1972 и 1981 годами до неоконсерваторов в 1990-е и 2000-е годы.

Естественно, он поддержал создание «Команды Б» (Team B; группа из пяти экспертов под руководством Ричарда Пайпса, получившая мандат на проверку данных ЦРУ о военных расходах СССР и нашедшая их заниженными почти вдвое, что привело к новому витку в эскалации гонки вооружений. — Прим. перев.) в 1976 году, когда Джордж Буш-старший был главой ЦРУ. «Команда Б» состояла из антисоветски настроенных профессоров и полемистов, убежденных в том, что ЦРУ «слишком мягко обращается с Советским Союзом». Испытывая столь сильные предубеждения, они получили полномочия проверить все собранные ЦРУ разведданные, касающиеся оценки военной мощи Советского Союза. На самом деле «Команда Б» и сходные с

ней правые группы отстали от жизни: к концу 1970-х — началу 1980-х годов советская экономика уже была поражена смертельным склерозом. Но «Команда Б» создала благоприятные условия для того, чтобы администрация Рейгана сделала то, что хотела — увеличила военные расходы. Рональд Рейган не остался в долгу и в ноябре 1985 года наградил Уолстеттера президентской Медалью свободы.

Д Университет империализма

Деятельность Уолстеттера на благо американского империализма и милитаризма продолжалась и в 1990-е годы. Согласно Абелле, рост влияния Ахмеда Чалаби (иракского изгнанника, служившего для Пентагона неисчерпаемым источником ложной информации) «в вашингтонских кругах происходил с подачи Альберта Уолстеттера, который встретился с Чалаби в офисе Пола Вулфовица». (В «кровосмесительном» мире неоконсервативной мысли все в какой-то мере «родственники»: Вулфовиц был студентом Уолстеттера в University of Chicago.) Вряд ли можно считать случайным тот факт, что Американский институт предпринимательства (American Enterprise Institute), являющийся ныне институциональным лидером неоконсервативной мысли в Вашингтоне, назвал свой актовый зал «Конференц-центром Уолстеттера» (Wohlstetter Conference Center). Короче говоря, наследие Альберта Уолстеттера, по меньшей мере, амбивалентно.

Разумеется, работа RAND Corporation не сводится к стратегической мысли Альберта Уолстеттера, и книга Абеллы может послужить полезным введением в проблематику широкого спектра вырабатывавшихся там идей — от «теории рационального выбора» (rational choice theory), объясняющей поведение человека в категориях личного интереса, до призывов к систематическим репрессиям по отношению к вьетнамцам (в «Программе Феникс», составленной по заказу ЦРУ во время войны во Вьетнаме). Как институт RAND Corporation остается одним из самых мощных и влиятельных проводников идей и установок американского империализма. Всеобъемлющая оценка влияния этой корпорации, как позитивного, так и катастрофического, станет возможной только после того, как будет поднята завеса секретности, окружающая ее деятельность; многого

можно ожидать и от дальнейшего исторического и биографического анализа работавших там персон.

Безусловно, RAND Corporation представляет собой одну из самых необычных частных организаций в сфере международных отношений: ее основная особенность состоит в том, что она вскормлена холодной войной. И хотя эта корпорация привлекала и поддерживала некоторых выдающихся военных аналитиков, она не придерживалась высших стандартов интеллектуальной работы и ведения дискуссий. Безусловно, RAND Corporation имеет неоспоримые заслуги в проведении объективных, неангажированных исследований частных технических проблем, связанных с тактикой современной войны, но ее рекомендации относительно кардинальных политических вопросов — таких как вопрос о войне или мире, защита мирного населения во время боевых действий, гонка вооружений, принятие решений о применении военной силы — нередко оказывались совершенно катастрофическими.

Например, Абелла хвалит RAND за «создание такой дисциплины, как исследования терроризма», однако аналитики этой корпорации, кажется, никогда не замечали феномена государственного терроризма в том виде, в каком он практиковался в Латинской Америке в 1970-е — 1980-е годы, ибо возникшие там военные диктатуры поддерживались Соединенными Штатами. Аналогичным образом поклонники Альберта Уолстеттера игнорируют тот факт, что его деятельность привела к эскалации гонки ядерных вооружений. (В 1967 году количество атомных и водородных бомб, имевшихся на вооружении США, достигло 32 500.)

Применительно к Вьетнаму RAND разработала теории, руководствуясь которыми две администрации прибегали к военной эскалации против «вьетконговцев», но и после того как стратегия этого think tank со всей очевидностью провалилась и даже министр обороны от нее отсекся, RAND так и не признала публично, что ошибалась. Абелла комментирует: «RAND Corporation оказалась связанной силой кошелька своего патрона, будь то Военно-воздушные силы или министерство обороны». А когда ее рекомендации оказывались неадекватными, корпорация прибегала

к засекречиванию своих исследований в целях самозащиты — даже в тех случаях, когда в них не затрагивались никакие военные секреты.

RAND Corporation представляет собой одну из самых необычных частных организаций в сфере международных отношений: ее основная особенность состоит в том, что она вскормлена холодной войной

По моему мнению, эти тенденции достигли своего апогея в самой необычной инициативе корпорации — в ее решении создать внутреннюю, обладающую статусом высшего учебного заведения школу публичной политики, имеющую право присуждать степень доктора наук американским и иностранным учащимся. Основанная в 1970 году как Аспирантский институт RAND (RAND Graduate Institute) и известная сегодня под названием Аспирантура RAND имени Фредерика С. Парди (Frederick S. Pardee RAND Graduate School — PRGS), эта школа к январю 2006 года присудила свыше 180 докторских степеней в таких областях знаний, как микроэкономика, статистика, эконометрия, социальные науки и науки о поведении (behavioral sciences), а также операционные исследования. Преподавательский состав школы насчитывает 54 профессора (почти все они — сотрудники различных подразделений RAND Corporation); что касается аспирантов, то их корпус составляет приблизительно 900 человек ежегодно. Кроме обычных курсовых работ, квалификационных экзаменов и диссертаций студенты PRGS обязаны потратить 400 дней на

работу над проектами RAND Corporation. Остается неясным, каким образом RAND и Военно-воздушные силы США могут сохранить секретность в работе американских и иностранных аспирантов над оборонными исследовательскими проектами; диссертационные исследования, доступные для широкой публики, принято проводить в открытых университетах, а не в атмосфере секретного стратегического института.

Может быть, величайшим актом связанного с RAND политического и морального мужества было решение Дэниэла Эллсберга обнародовать документы, вскрывавшие лживость публичных высказываний всех американских президентов, от Дуайта Эйзенхауэра до Линдона Джонсона, о вовлеченности США в войну во Вьетнаме. Однако сама RAND Corporation до сих пор крайне враждебно относится к тому, что сделал Эллсберг.

Абелла сообщает, что Чарльз Вольф-младший, глава экономического отдела RAND с 1967 по 1982 год и первый декан RAND Graduate School (с 1970 по 1997 год), «источал яд, когда его спросили в интервью об инциденте с Эллсбергом, имевшем место тридцать лет назад». Такое поведение свидетельствует о том, что для RAND Corporation секретность и «выстраивание в линию» гораздо важнее, чем независимое интеллектуальное исследование, так что к продуктам ее научной деятельности следует относиться с большой осторожностью и здоровым скептицизмом.

Перевод Иосифа Фридмана